

A SYMBOLIC LIMIT OF FRONTIER: «THE GENE POOL OF PEOPLE» AND MIGRATION, PAST AND PRESENT

Alexander V. Ovchinnikov (a)

(a) Financial University under the Government of the Russian Federation, Lipetsk Branch.
Lipetsk, Russia. E-mail: ovchinnikov8_831[at]mail.ru

Abstract

The author considers the problem of contemporary symbolic restrictions of the frontier of migration flows. The role of ethnogenetics in the design of imaginary boundaries between representatives of ethnic groups, migrants and the local population is determined. Social and political features of the society are revealed, which make the narratives about biological differences of peoples prestigious and relevant. The hypothesis about the important role of myths about blood relationship in the mobilization of population is proposed. The prevalence of ideas about the biological component of ethnic identity is explained by the presence of elements of (post) traditional culture in the modernizing society. The Soviet and contemporary stages of formation and development of ethnogenetics are analyzed. An attempt is made to characterize the worldview of the leaders of ethnogenetics using available sources. It is stated that the ethnogeneticists have traditional conservative views with a religious component. The characteristics of the methodological foundations of the work of leading ethnogeneticists are given. The conclusion is made about the serious theoretical contradictions in the constructions of ethnogeneticists: the physiological parameters of the composite urbanized and mobile population are placed on a par with the similar indicators of endogamous small populations (often isolates), which creates the illusion of a stable structure of the gene pool. The author indicates the direct identification of the population and the people («ethnos») in the dissertational works and articles of Russian ethnogeneticists in the leading profile journal «Genetics». An imaginary obstacle to the migration frontier postulated by the scholars as necessity to “preserve the structure of the gene pool” and “genetic security of the people” can be included in the arsenal of anti-migrant rhetoric and criticism of mixed marriages.

Keywords

migrants; ethnogenetics; frontier; gene pool; «international marriages»; «genetic security»; ethno-nationalism; modernization; DNA; genes

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ПРЕДЕЛ ФРОНТИРА: «ГЕНОФОНД НАРОДА» И МИГРАЦИИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Овчинников Александр Викторович (а)

(а) Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве РФ. Липецк, Россия.
E-mail: [ovchinnikov8_831\[at\]mail.ru](mailto:ovchinnikov8_831@mail.ru)

Аннотация

Рассматривается проблема современных символических ограничений фронта миграционных потоков. Определяется роль этногенетики в конструировании вообразяемых границ между представителями этнических групп, мигрантами и местным населением. Выявляются социально-политические особенности социума, которые делают престижными и актуальными нарративы о биологических различиях народов. Выдвигается гипотеза о важной роли мифов о кровном родстве в мобилизации населения. Распространенность представлений о биологической составляющей этнической идентичности объясняется присутствием в модернизирующемся социуме элементов (пост)традиционной культуры. Анализируются советский и современный этапы становления и развития этногенетики. На основе доступных источников делается попытка охарактеризовать мировоззренческие ориентиры лидеров этногенетики. Констатируется присутствие у исследователей традиционных консервативных взглядов с религиозной составляющей. Дается характеристика методологических оснований работ ведущих этногенетиков. Делается вывод о серьезном теоретическом противоречии их построений – физиологические параметры сложносоставного урбанизированного и подвижного населения ставятся в один ряд с такими же показателями эндогамных малых популяций (нередко, изолятов), что создает иллюзию наличия стабильной структуры генофонда. Указывается на прямое отождествление популяции и народа («этноса») в диссертационных работах отечественных этногенетиков и ведущем профильном журнале «Генетика». Воображаемой преградой миграционному фронтиру становится постулируемая учеными необходимость «сохранения структуры генофонда» и обеспечения «генетической безопасности народа», что может войти в арсенал антимигрантской риторики и критики смешанных браков.

Ключевые слова

мигранты, этногенетика, фронт, генофонд, «межнациональные браки», «генетическая безопасность», этнонационализм, модернизация, ДНК, гены

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Научно-практическое значение анализа двух связанных проблем фронта и миграций заставляет искать все новые подходы для изучения данной темы. Обширная историография свидетельствует о формировании особого дискурсивного пространства, в котором работают философы, историки, антропологи, демографы, политологи, социологи и т. д. (Головнев, 2015; Рыбаковский, 2003). За последние несколько десятилетий пересечь дискурсивную границу прямо или косвенно пытаются представители естественных наук, позиционирующие междисциплинарный характер своих исследований. Речь идет, прежде всего, об этногенетиках, ассоциирующих народы с биологическими популяциями и в прямом смысле слова изучающих, по выражению автора этих строк, «кровь и плоть воображаемых сообществ». Критики этногенетических исследований не раз отмечали их методологическую спорность и нежелательные социально-политические последствия (См., например, дискуссию Этногенез, 2015). Между тем изучение «генофондов народов» продолжается, и в ведущих российских профильных изданиях, например, академическом журнале «Генетика», рядом со статьями о популяциях дрозофил и карпа определенного региона можно обнаружить тексты о популяциях (как региональных, так и в целом «по народу») русских, татар, башкир и т. п.

Проблема постсоветского расцвета этногенетики как историко-культурного явления и её влияния на представления о современных мигрантах, о символических границах между «местными» и «пришлыми» в научной литературе, как мне представляется, не получила должного рассмотрения. В настоящей статье я попытаюсь проанализировать исторический фон становления отечественной этногенетики, его влияние на формирование методологической базы этой науки, а также место этногенетических построений в мировоззренческой картине мира, в рамках которой мигрантам и «коренным» предписываются границы тех или иных поведенческих ролей.

Российская этногенетика оформилась в специфических условиях модернизирующегося, но, в то же время, сохраняющего многие традиционные элементы (со)общества. Такие социумы дискретны, вертикальные связи в них преобладают над горизонтальными. Создается впечатление, что и общества как такового нет; имеет место (со)общество, различные корпорации которого делегируют права верховного арбитра государству, которое, в свою очередь, всеми силами пытается модернизировать тысячи подчиненных ему «миров», при этом оберегая от серьезных трансформаций их корпоративную структуру, т.к. именно она является залогом сохранения власти. Однородность (понимаемая мною как отсутствие актуализации социальных,

культурных, религиозных, административно-политических и иных границ) модернизирующихся (пост)традиционных государственных образований является нежелательной как для их отдельно взятых самодостаточных (если не считать получаемых от государства ресурсов) корпоративных дискретных единиц («постобщин» (Овчинников, 2018а), так и для самого государства, которое через несколько уровней посредников взаимодействует с «постобщинами», мобилизуя их на масштабные модернизационные проекты («проделать» такое с политической нацией невозможно).

Мы имеем дело с (со)обществом, в котором по историческим меркам еще совсем недавно, лишь в 1917 г., были формально отменены сословные границы (мой дед вспоминал, что застал стариков, которые рассказывали, как во времена крепостного права мальчишками бегали за местным помещиком, бросавшим им на землю конфеты). Однако на смену феодальным сословным перегородам пришли другие (дед родился в 1929 г. – в год «Великого перелома», когда, если верить официальной пропаганде, обострилась борьба рабочих и крестьян с враждебными классами; застал дедушка и 1990-е гг., когда в «прошлом и настоящем» завершился переход от классовых границ к этническим, и главным двигателем истории (в том числе и современной), если верить отбросившим классовую парадигму идеологам, стали т.н. «межнациональные отношения»). Только в 1976-1981 гг. большая часть населения СССР (в основном, селяне) «реально» получила паспорта и обрела относительную свободу передвижения (Байбурин, 2017, с. 179). (В 1976 г. дед с семьей переселился из деревни в район-центр, где в 1983 г. родился я, и из которого в 2000 г. сначала «на учебу», а затем, как мне кажется, навсегда переехал в Казань).

Сословность, классовость, этничность – идеологические конструкции, конечная цель актуализации и трансляции которых в российских условиях, на мой взгляд, состоит в поддержании дискретности социума, удержания его от трансформации в однородную политическую нацию. Так, мигранты в современной России воспринимаются отнюдь не как россияне, даже если формально являются гражданами государства; сами они тоже не торопятся ассоциировать себя с россиянами. Например, обучающийся в одном из казанских ВУЗов 20-летний студент-мигрант в углубленном интервью признался:

«Я уважаю Россию и её многонациональный народ, но я остаюсь верен своему народу и своей стране и поэтому не чувствую себя в полной мере россиянином».

В условиях модернизирующегося и в то же время объективно склонного к распаду дискретного государственного образования (вспомним, например, проект «Уральской республики» 1993 г.) архаические мифы об общем происхождении, родстве, единой крови могут выступить иррациональным объединяющим началом.

В статье «Кровь и плоть воображаемых сообществ...», используя эмпирический материал реалий Татарстана (одной из национальных республик в составе России), я пытался показать, что в глоболизирующемся мире риторика о биологических границах «этноса» служит одним из способов поддержания «живучести» этнического мифа, культурные образы которого сегодня легко размываются мощными потоками «инокультурной информации» (Овчинников, 2015). Продолжая мысль, можно сказать, что оперирование выкладками подсчетов физиологических параметров призвано играть роль символической преграды, мешающей полноводной реке мировосприятия выйти из, якобы, раз и навсегда определенных для неё «этнических берегов» (в этом контексте уместно упомянуть книгу доктора филологических наук Т.Л. Мироновой с характерным названием «Броня генетической памяти», на страницах которой повествуется о «языковой генетической памяти», проявляющейся «у людей как инстинкт» и осуществляющейся «под контролем генов») (Миронова, 2014). Отсюда понятно, почему оказываются идеологически востребованы распространённые в массовом сознании представления о народе как кровной родственной общности, одним из способов выживания которой постулируется «эндогамная чистота», т.е. нежелательность т.н. «межнациональных браков» (боязнь «смещения рас» и утраты «расовой чистоты» – один из элементов биологического расизма) (Шнирельман, 2011, с.16). Добавив к этому тексты об «особом менталитете» каждого народа, его склонностях к тому или иному роду деятельности, религии, можно, на мой взгляд, поставить вопрос о фундаментальных сходствах российских представлений о «народе» и осознанием специфики социальных групп других (пост)традиционных обществ. Интересно сравнить конструирование отечественных образов «этноса», например, с формированием воззрений об индийской касте (опыт такого сравнения см.: Овчинников, 2018b).

Какой спектр в охарактеризованном историко-культурном фоне занимают профессиональные биологи, в частности, этногенетики? Продуцируют ли они своим научным творчеством, вопреки собственной воле, «нотки» профанного биологического расизма или сами, являясь частью модернизирующегося социума, придерживаются распространённых и кажущихся само собой разумеющимися мировоз-

зренческих стереотипов, которые «конкретизируют» в узкоспециальных исследованиях? Для ответа на вопрос необходимо, хотя бы в самых общих чертах, рассмотреть интересующие нас нюансы «этнизации» естественных наук в СССР и современной России.

В 1960-70-е гг. в популяционной генетике и этнической антропологии наблюдалось

«переключение внимания с изучения рандомизированных выборок из этнических групп на изучение "малых популяций"» (Рычков & Ящук, 1980, стр. 23).

Необходимо было решить вопрос об объединении элементарных популяций в нечто большее. Здесь генетики, на мой взгляд, совершили принципиальную ошибку: «резервуаром» для популяций оказался «этнос».

Внедрённый в советскую академическую науку Ю.В. Бромлеем термин «этнос», как показано современными специалистами, не оправдал надежд на всесторонний анализ явлений культурной, экономической и политической жизни (подробнее см.: Тишков, 2003). Тем более его опасно было включать в естественнонаучные исследования, т.к. социально-культурные явления сразу, даже вопреки желанию авторов, биологизировались. В третьем издании Большой Советской энциклопедии известный этнограф Н.Н. Чебоксаров определял популяции человека как *«сообщества, внутри которых браки заключаются чаще, чем с людьми других популяций»*, а в конце статьи указывал, что границы человеческих популяций совпадают с границами между *«народами, этносами»* (Чебоксаров, 1975, с. 366).

О фундаментальной ошибке лидеров нового направления в отечественной генетике Ю. Г. Рычкова и Е. В. Балановской (Ящук) свидетельствует неверный, на мой взгляд, ответ на ими же поставленный вопрос:

«Определяет ли генетическая структура слагающих этнос популяций генетическую структуру этноса или же генетическими особенностями этноса (sic – А.О.) предопределяются свойства составляющих его популяций?» (Рычков & Ящук, 1980, стр. 23).

Исследователи склонились ко второму варианту. Выводы были сделаны на материалах коренного населения Сибири, Памира и Америки (Рычков, Ящук & Веселовская, 1982). Для небольших групп изолятов это заключение, по моему мнению, в какой-то мере справедливо, но в советское время под этносами понимались и нации, т.е. орга-

низованные в государства, урбанизированные в массе своей и подвижные огромные группы населения. Мысль об общей по отношению к малым популяциям генетической структуре этноса была перенесена и на них.

На мой взгляд, некорректно интерпретировался вывод о меньшем, по сравнению с Сибирью, межпопуляционном генетическом разнообразии народонаселения Европы (Рычков & Ящук (Балановская), 1983, с. 13). По мнению исследователей, это было следствие культурного воздействия на природную среду, которая в результате стала в меньшей степени (в адаптивном плане) влиять на человеческий организм, что привело генные локусы к селективно-нейтральному состоянию. В свою очередь это негативно сказалось на местной природе, и *«европейские этносоциумы уже давно существуют и развиваются за счёт природной среды других регионов мира»*, что ставит под угрозу мировую экологию (Рычков & Ящук (Балановская), 1983, стр. 17).

Ю.Г. Рычков и Е.В. Балановская станут у истоков целого направления в генетике – этнической генетики или этногенетики (Балановская & Рычков, 1990, стр. 114).

Зарождение этногенетики в 1960-80-е гг. проходило на общем фоне возрастания интереса к этничности. Не только в работах генетиков, но и историков, антропологов, археологов, этнографов т.н. «этносы» постоянно наполнялись биологическим содержанием. Антропологи определяли физические особенности народов, изучая, например форму черепа, густоту бровей, эпикантус, частоты вогнутых форм спинки носа, зубной системы представителей определённой национальности (типичный пример:

«В ... статье характеризуются исследованные по антропологической программе мальчики и юноши удмуртской национальности в возрасте от 9 до 17 лет» (Дубов, 1989, стр. 94).

Исследовались и сравнивались группы крови людей, относящих себя к разным народам (см., например, Эриксон & Франтс, 1982 и др).

В 1990-е гг. развитие этногенетики продолжилось в условиях сильного всплеска этнонационализма на постсоветском пространстве. В фундаментальном академическом труде «Генофонд и геногеография народонаселения», подытоживающем десятилетия работы нескольких научных коллективов, академик РАН Ю.П. Алтухов писал, что *«копии генов человека прошли длинный путь ... социогенеза»* (Алтухов, 2000, стр. 5). Он констатировал заключающуюся в сочетании частот генов в

генофонде уникальность каждой человеческой популяции (т. е. народа) (Алтухов, 2000, стр. 5).

Профессор Ю.Г. Рычков в этом же издании определял генофонд как

«географически распределённое и исторически упорядоченное множество генов..., удерживаемое самосознанием человеческой популяции в пределах её ареала...» (Рычков, 2000, стр. 9).

Он утверждал, что человеческие популяции – живые «сверхорганизмы», обладающие *«историческим наследием материальной и духовной культуры и общественного устройства»*, и не существующие вне этноса (Рычков, 2000, с. 14). Ученый предлагал уделять особое внимание «этническому уровню» организации генофонда (Рычков, 2000, с. 9).

Изучение выпусков академического журнала «Генетика» за последние двадцать лет дает основание утверждать, что на его страницах этнические группы из номера в номер, из статьи в статью ассоциируются с популяциями. Типичны следующие рассуждения:

«...марийцы, проживающие на территории республики Мари Эл, представляют собой генетически подразделённую популяцию... Между русскими и марийцами осуществляется обмен генами, который должен привести в отдалённом будущем к выравниванию частот генов в марийской и русской популяциях» (Ельчинова, Старцова, Мошкина & Гинтер, 1997).

Или:

«по локусу МЕТ установлено существенное различие в распределении частот генотипов между популяцией удмуртов, с одной стороны, и популяциями башкир, татар, мордвы, мари, чувашей – с другой» (Хуснутдинова, Викторов, Хидиятова, Фатлисламова & Иващенко, 1997, стр. 1291).

Поиск генетических различий между этническими группами является темой статей и в других солидных профильных изданиях (Вавилов, Бурмистрова, Целищев & Сулова, 2013).

В диссертационных работах генетиков отождествление этноса с популяцией, смешение культурного и биологического носит тотальный характер. Например, в защищённой в Уфе кандидатской диссертации А.С. Лобова констатируется, что

«формирование башкир происходило между двумя цивилизациями на стыке Европы и Азии, что отразилось на современной генетической структуре данной популяции и её антропологическом составе» (Лобов, 2009, стр. 3).

Авторы коллективной монографии по антропологии башкир констатируют, что

«установление этапов истории народа в приложении биологических принципов есть ни что иное, как исследование эволюции внутри вида. В плане биологии – это ... проблема адаптации популяции к природным условиям окружающей среды и формирования различных хозяйственно-культурных типов» (Бермишева, Иванов & Киньябаева, 2011, стр. 318).

А.М.-Х. Солтаева занимается изучением последствий нефтехимического загрязнения у детей «чеченской популяции», под которыми понимаются дети из семей «коренных» жителей региона, относящиеся к одной национальности – чеченцам (Солтаева, 2013, стр. 6).

Публикации генетиков могут быть использованы для квазидоказательства утверждения о том, что национальность можно определить «по крови». Генетик И. А. Кутуев в автореферате докторской диссертации констатирует, что

«данные об изменчивости ДНК и Y-хромосомы в региональных группах коренного населения Кавказа могут быть использованы в качестве референтной базы данных, необходимой для проведения судебно-медицинской экспертизы» (Кутуев, 2010, стр. 6).

Иными словами, речь идёт о создании свода биологической информации, в котором будут представлены фиксированные физиологические параметры той или иной национальности. О работах по созданию панели для этнической идентификации личности пишут генетики, занимающиеся «русскими популяциями» Москвы и Томска (Туракулов, Чистяков, Одинокова & Носиков, 1997, с. 984).

В построения татарских националистов могут войти рассуждения генетиков о низком уровне межпопуляционной дифференциации поволжских татар и о генетическом сходстве татар восточных районов Татарстана с башкирами (Денисова, Малярчук, Деренко & Кравцова, 2011, с. 387). Башкирские националисты могут воспользоваться выводами исследования, в котором констатируется, что башкиры, в отличие от русских и татар, по частоте аллелей некоторых полиморфных локусов генов репарации ДНК сходны с этнической группой индийцев Гуджарати (Кочетова, Корытина, Ахмадишина & Викторова, 2013, с.1000).

Профессиональные биологи являются частью современной им историко-культурной среды, и создать представление об их мировоззренческих ориентирах в какой-то мере могут следующие, на мой

взгляд, показательные факты. В 2012 г. Свято-Троицкая Сергиева Лавра выпустила написанный с позиций креационизма школьный учебник общей биологии. Редактором издания являлся упоминавшийся академик РАН Ю. П. Алтухов, который в предисловии признавался в вере в Творца, которая, якобы, не противоречит научному знанию. Автором одного из разделов была Е.В. Балановская, а лидер уфимских этногенетиков Э.К. Хуснутдинова на форзаце учебника констатировала, что он соответствует *«современным научным данным»* (Вертьянов & Алтухов, 2012). В 2009 г. в одной из публикаций Е.В. Балановская рассуждала о соборности как важнейшей ценности православия, при этом характеризуя этносы как *«неповторимые личности»* (Балановская, 2009, с. 134).

Исходные методологические основания этногенетики, сформировавшиеся, видимо, не без участия некоторых составляющих мировоззрения самих исследователей, подводят читателя к мысли о нежелательности (в целях заботы о здоровье детей и *«сохранения генофонда»*) т. н. *«межнациональных браков»*, а также формируют негативное отношение к мигрантам. Например, генетики и физики в совместной публикации доказывают, что заболеваемость детей от *«межнациональных браков»* (по их выражению, при *«метисации»*) на втором-третьем году жизни выше, чем в *«однонациональных»*, и это, якобы, не зависит от таких социальных факторов, как уровень образования родителей и начало посещения ребёнком дошкольного учреждения. Интерпретируются эти, явно случайные, данные при помощи аналогий с популяциями животных и растений, когда в результате межпопуляционного скрещивания происходит снижение приспособляемости потомков (Дуброва, Корзенёва & Стяжкина, 1997).

В 2004 г. Институтом общей генетики РАН, посольством Великобритании в России, Московским обществом генетики и Дарвиновским музеем была организована школа-семинар по проблемам *«генетической безопасности»*. Академик РАН генетик Ю.П. Алтухов в своем докладе говорил о все возрастающей роли мигрантов в воспроизводстве населения России, что должно привести к сильному изменению генофонда. Последствия этого исследователь видел в повышении частоты наследственных заболеваний, которые ранее были не характерны для популяции.

Показательны слова ряда генетиков о том, что

«выезд наиболее образованной части населения за рубеж представляет определённую угрозу генетической безопасности столицы (Москвы. – А.О.), поскольку может нанести ущерб её трудовому, интеллектуальному и культур-

ному потенциалу, основанному на качественном разнообразии генофонда популяции» (Курбатова, Победоносцева & Свежинский, 1997, стр. 1696).

Заметим, что генофонд московского населения изучался при финансовой поддержке Мэрии и Правительства Москвы (Курбатова, Победоносцева & Свежинский, 1997, стр. 1688).

В автореферате кандидатской диссертации Б.А. Малярчук признаёт, что в современную эпоху роста численности населения и интенсивных миграционных процессов происходит стирание «генетических границ» между этническими группами. Этот естественный процесс позиционируется им как актуальная проблема современности, решение которой состоит в охране *«генофонда планеты как совокупности генофондов отдельных больших и малых народов»* (Малярчук, 1996, стр. 3).

Е. В. Балановская и О. П. Балановский в книге «Русский генофонд на Русской равнине» (на обложке слово «русской» выделено прописными буквами) первую опасность для структуры генофонда видят в смешении популяций (именно в структуре, по их мнению, заключается «индивидуальность», «суть» генофонда) (Балановская & Балановский, 2007, стр. 311). Если доля браков с «брачными» мигрантами будет больше половины всех браков в популяции, то последняя, констатируют авторы, исчезнет. Здесь же охрана структуры генофонда ассоциируется с охраной памятников архитектуры (Балановская & Балановский, 2007, стр. 311).

В другой публикации Е. В. Балановская лучшим «лекарством» для сохранения генофонда называет сохранение традиционной брачной структуры (Балановская, 2009, стр. 136), что, на мой взгляд, фактически является призывом заключать браки преимущественно внутри этнических групп. Кроме всего прочего, такой подход неизбежно способствует изоляции и сегрегации мигрантов.

Вышеизложенное позволяет сделать ряд концептуальных выводов. В эпоху глобализации и развития средств передвижения фронт замывается не столько визуализируемыми природно-географическими объектами (как то, в основном, было ранее), сколько символическими пределами. Миграционные потоки «наталкиваются» на «воображаемые границы», конструируемые этническими образами (например, рассуждениями о «национальном характере»), предписываемыми моделями поведения и дающими «советы» настоящему историческим нарративами. Серьезной преградой фронтиру становятся последствия манипулирования физиологическими параметрами различных групп населения. Эти параметры, в отличие от культурно обусловленных, позиционируются объективными показателями, сохранение стабиль-

ности которых может служить идеологическим обоснованием государственной политики. Определенную роль в конструировании символических пределов фронта, мыслимых как непроницаемые границы между популяциями, играют работы этногенетиков, появление которых, в свою очередь, напрямую обусловлено окружающими социально-политическими условиями модернизирующегося (пост) традиционного социума.

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-20149 «Культурная память России в ситуации глобальных миграционных вызовов: конфликты репрезентаций, риски забвения, стратегии трансформации»)

Список литературы

- Алтухов, Ю. П. (2000). Предисловие. В Ю. Г. Рычков (Ред.) *Генофонд и геногеография народонаселения. Т. 1. Генофонд населения России и сопредельных стран* (стр. 5-6). Санкт-Петербург: Наука.
- Байбурин, А. (2017). *Советский паспорт: история – структура – практики*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Балановская, Е. В. & Балановский, О. П. (2007). *Русский генофонд на Русской равнине*. Москва: ООО «Луч».
- Балановская, Е. В. & Рычков, Ю. Г. (1990). Этническая генетика: этногеографическое разнообразие генофонда народов мира. *Генетика*, 26(1), 114-121.
- Балановская, Е. В. (2009). Единство в многообразии. В *Национальная идея и жизнеспособность государства. Постановка задачи. Материалы научного семинара. Выпуск № 2*. (стр. 134-137). Москва: Научный эксперт.
- Бермишева, М. А., Иванов, В. А. & Киньябаева Г. А. etc. (Ред.). (2011). *Антропология башкир*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Вавилов, М. Н., Бурмистрова, А. Л., Целищев, Г. В. & Сулова, Т. А. (2013). Частоты генов HLA-MICB в популяции татар в сравнении с другими популяциями, проживающими на территории Челябинской области. *Вестник Челябинского государственного университета*, 7(298).
- Вертьянов, С. Ю. & Алтухов, Ю. П. (Ред.) (2012). *Общая биология: Учебник для 10-11 кл. общеобразовательных учреждений*. Москва: Свято-Троицкая Сергиева Лавра.

- Головнёв, А. В. (2015). *Феномен колонизации*. Екатеринбург: УрО РАН.
- Денисова, Г. А., Малярчук, Б. А., Деренко, М. В. & Кравцова, О. А. (2011). Популяционная структура поволжских татар по данным о разнообразии митохондриальной ДНК. *Генетика*, 47(3), 387-393.
- Дубов, А. И. (1989). Антропологические характеристики северных и центральных удмуртов. В *Новые исследования по этногенезу удмуртов: Сб. науч. трудов*. (стр. 94-107). Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО АН СССР.
- Дуброва, Ю. Е., Корзенёва, И. Б. & Стяжкина, Т. В. (1997). Влияние экзогамии на заболеваемость детей на протяжении первых трёх лет жизни. *Генетика*, 33(1), 116-122.
- Ельчинова, Г. И., Старцова, Е. А., Мошкина, И.С. & Гинтер, Е. К. (1997). Брачно-миграционная структура сельского и городского населения республики Мари Эл. *Генетика*, 33(10), 1414-1417.
- Кочетова, О. В., Корытина, Г. Ф., Ахмадишина, Л. З. & Викторова, Т. В. (2013). Полиморфизм генов репарации ДНК (XRCC1, XRCC3, XPD, XPA) в этнических группах Республики Башкортостан. *Генетика*, 49(8), 1000-1007.
- Курбатова, О. Л., Победоносцева, Е. Ю. & Свежинский, Е. А. (1997). Генетико-демографические процессы в Московской популяции в середине 1990-х годов. Миграция и эмиграция как факторы изменения генетического разнообразия популяции. *Генетика*, 33(12), 1688-1997.
- Кутуев, И. А. (2010). *Генетическая структура и молекулярная филогеография народов Кавказа*. Doctor Thesis. Уфа.
- Лобов, А. С. (2009). *Структура генофонда субпопуляций башкир*. PhD Dissertation. Уфа.
- Малярчук, Б. А. (1996). *Полиморфизм митохондриальной ДНК у восточных славян*. PhD thesis. Москва.
- Миронова, Т. Л. (2014). *Броня генетической памяти*. Москва: Алгоритм.
- Овчинников, А. В. (2015). Кровь и плоть воображаемых сообществ: биологизация этничности в дискурсах национальных историй. В *Конфликтотенный потенциал национальных историй (сборник научных статей)* (стр. 177–198). Казань: Юниверсум.
- Овчинников, А. В. (2018b). Историко-мировозренческие основы мигрантофобии: кейс биологизации этничности В *Государство, общество и церковь: миграция и межкультурное многообразие*.

- Часть 1.* (стр. 296-300). Новосибирск: Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС.
- Овчинников, А. В. (2018а). Постообщина как фактор «корпоративистской» модернизации (институциональный аспект) В *Новые институты для новой экономики: сборник материалов XII Международной научной конференции по институциональной экономике, 25-29 апреля 2018 г.* (стр. 272-280). Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета.
- Рыбаковский, Л. Л. (2003). *Миграция населения (вопросы теории): монография.* Москва: ИСПИ РАН.
- Рычков, Ю. Г. & Ящук, Е. В. (1980). Генетика и этногенез. *Вопросы антропологии*, (64), 23-39.
- Рычков, Ю. Г. (2000). От редактора. *Генофонд и геногеография народонаселения. Т. 1. Генофонд населения России и сопредельных стран.* Санкт-Петербург: Наука.
- Рычков, Ю. Г. & Ящук (Балановская), Е. В. (1983). Генетика и этногенез. Состояние и тенденции генетического процесса в связи с особенностями народонаселения Европы (зарубежной). *Вопросы антропологии*, (72), 3-17.
- Рычков, Ю. Г., Ящук, Е. В. & Веселовская, Е. В. (1982). Генетика и этногенез (о генетической прапамяти систем коренного населения Северной Азии и Америки). *Вопросы антропологии*, (69), 3-18.
- Солтаева, А.М.-Х. (2013). *Цитогенетические эффекты нефтехимического загрязнения у детей чеченской популяции в зависимости от полиморфизма генов оксидативного ответа, детоксикации ксенобиотиков и репарации ДНКС.* PhD thesis. Москва.
- Тишков, В. А. (2003). *Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии.* Москва: Наука.
- Туракулов, Р. И., Чистяков, Д. А., Одинокова, О. Н. & Носиков, В. В. (1997). Аллельный полиморфизм коротких tandemно повторяющихся последовательностей локусов HUMF13A01 и HUMCO4 в русских популяциях Москвы и Томска. *Генетика*, 33(7), 979-985.
- Хуснутдинова, Э. К., Викторова, Т. В., Хидиятова, И. М., Фатлисламова, Р. И. & Иващенко, Т. Э. (1997). Аллельный полиморфизм ДНК-локусов MET и D7S23 сцепленных с геном муковисцитоза, в популяциях народов Волго-Уральского региона. *Генетика*, 33(9), 1291-1296.
- Чебоксаров, Н. Н. (1975). Популяции человека. В *БСЭ*, 20. Москва.
- Шнирельман, В. А. (2011). *Порог толерантности: Идеология и практика нового расизма. В 2-х т. Т. 1.* Москва: НЛЮ.

Эриксон, А. & Франтс, Р. (1982). Исследования групп крови у коми-зырян в СССР. В *Финно-угорский сборник*. (стр. 191-206). Москва: Наука.

Этногенез и синтез наук (2015). Получено из http://генофонд.рф/?page_id=513

References

- Altukhov, Yu. P. (2000) Introduction. In Yu. G. Rychkov (Ed.) *Genofond and genogeography of the population. Vol 1. Genofond naseleniya Rossii i sopredel'nykh stran Genofond of the population of Russia and neighboring countries* (pp. 5-6). Saint-Petersburg: Nauka Publ. (In Russian)
- Baiburin, A. (2017). *Soviet passport: history-structure-practices*. Saint-Petersburg: The European University in Saint-Petersburg. (In Russian)
- Balanovskaya, E. V. & Rychkov, Yu. G. (1990). Ethnic genetics: ethnogeographical diversity of the genofond of the world's peoples. *Genetics*, 26(1), 114-121 (In Russian)
- Balanovskaya, E. V. (2009). Unity in diversity. *National idea and viability of the state. Problem statement. Materials of the scientific seminar. Issue 2*. (pp. 134-137). Moscow: Nauchny expert. (In Russian)
- Balanovskaya, E. V., & Balanovsky, O. P. (2007). *Russian gene pool on The Russian plain*. Moscow: ООО «Luch». (In Russian)
- Bermisheva, M. A., Ivanov, V. A. & Kin'yabaeva, G. A. etc. (Eds.) (2011). *Anthropology of the Bashkirs*. Saint-Petersburg: Aleteya. (In Russian)
- Cheboksarov, N. N. (1975). The human population. In *Great Soviet encyclopedia*, 20. Moscow. (In Russian)
- Denisova, G. A., Malyarchuk, B. A., Derenko, M. V. & Kravtsova, O. A. (2011). The population structure of Volga Tatars according to the mitochondrial DNA diversity. *Genetics*, 47(3), 387-393 (In Russian)
- Dubov, A. I. (1989). Anthropological characteristics of Northern and Central Udmurts. In *New researches on ethnogenesis of Udmurts, Scientific paper collection* (pp. 94-107). Izhevsk: Udmurtskij institut istorii, yazyka i literatury UrO AN SSSR. (In Russian)
- Dubrova, Yu. E., Korzeneva, I. B. & Styazhkina, T. V. (1997). The influence of exogamy on morbidity of children during the first three years of life. *Genetics*, 33(1), 116-122. (In Russian)
- El'chinova, G. I., Startsova, E. A., Moshkina, I. S. & Ginter, E. K. (1997). Marriage-migration structure of rural and urban population of the Republic of Mari El. *Genetics*, 33(10), 1414-1417. (In Russian)

- Erikson, A. & Frants, R. (1982). Study of blood groups in the Komi-Zyryans in the USSR. In *Finno-Ugric collection* (pp.191-206). Moscow: Nauka. (In Russian)
- Ethnogenesis and synthesis of Sciences (2015). Retrieved from http://генофонд.рф/?page_id=513 (in Russian)
- Golovnyov, A. V. (2015). *The Phenomenon of colonization*. Ekaterinburg: UrO RAN. (In Russian)
- Khusnutdinova, E. K., Viktorova, T. V., Khidiyatova, I. M., Fatlislamova, R. I. & Ivashchenko T.E. (1997). Allelic polymorphism of DNA loci MET and D7S23 linked with the gene of mucoviscidosis in the populations of the peoples of the Volga-Ural region. *Genetics*, 33(9), 1291-1296. (In Russian)
- Kochetova, O. V., Korytina, G. F., Akhmadiina, L. Z. & Viktorova, T. V. (2013) Polymorphism of DNA repair genes (XRCC1, XRCC3, XPD, XPA) in ethnic groups of the Republic of Bashkortostan. *Genetics*, 49(8), 1000-1007. (In Russian)
- Kurbatova, O. L., Pobedonostseva, E. Yu. & Svezhinskiy, E. A. (1997). Genetic and demographic processes in the Moscow population in the mid - 1990s years. Migration and emigration as factors in the genetic diversity of the population. *Genetics*, 33(12), 1688-1997. (In Russian)
- Kutuev, I. A. (2010). *Genetic structure and molecular phylogeography of Caucasian peoples*. Doctor Thesis. Ufa. (In Russian)
- Lobov, A. S. (2009). *Structure of the genofond of Bashkir subpopulations*. PhD Dissertation. Ufa. (In Russian)
- Malyarchuk, B. A. (1996). *Polymorphism of mitochondrial DNA in Eastern Slavs*. PhD thesis. (In Russian)
- Mironova, T. L. (2014). *Armor of genetic memory*. Moscow: Algoritm. (In Russian)
- Ovchinnikov, A. V. (2015). Blood and flesh of imagined communities: biologization of ethnicity in the discourses of national history. In *Conflictual potential of national history (collection of scientific articles)*. (pp. 177-198). Kazan: Universum (in Russian)
- Ovchinnikov, A. V. (2018a). Potobshina as a factor in «corporatist» country's modernization (institutional aspect) In *New institutions for a new economy: proceedings of the XII International scientific conference on institutional Economics, April 25-29* (pp. 272-280). Kazan, «Poznaniye», Kazan innovative University. (In Russian)
- Ovchinnikov, A. V. (2018b) Historical and ideological foundations of migrant phobia: the case of the biologization of ethnicity. In *State, society and Church: migration and intercultural diversity. Materials of*

- scientific and practical conference with international participation. Part 1* (pp. 296-300). Novosibirsk: Siberian Institute of management - branch of RANEPA. (In Russian)
- Rybakovsky, L. L. (2003). *Migration of the population (theory): monograph*. Moscow: ISPI RAN. (In Russian)
- Rychkov, Yu. G. & Yashchuk (Balanovskaya), E. V. (1983). Genetics and ethnogenesis. State and trends of the genetic process in connection with the problems of population in Europe (foreign). *Questions of anthropology*, (72), 3-17. (In Russian)
- Rychkov, Yu. G. & Yashchuk, E. V. (1980). Genetics and ethnogenesis. *Questions of anthropology*, (64), 23-39. (In Russian)
- Rychkov, Yu. G. (2000). From the editor. *Genofond and genogeography of the population Vol. 1, Genofond naseleniya Rossii i sopredel'nykh stran Genofond of the population of Russia and neighboring countries*. Saint-Petersburg: Nauka. (In Russian)
- Rychkov, Yu. G., Yashchuk, E. V. & Veselovskaya E. V. (1982). Genetics and ethnogenesis (on the genetic primordial memory of the indigenous populations of North Asia and America). *Questions of anthropology*, (69), 3-18. (In Russian)
- Shnirel'man, V. A. (2011). «*The Threshold of Tolerance*»: *Ideology and Practice of New Racism, vol. I*. Moscow: NLO. (In Russian)
- Soltaeva, A. M.-Kh. (2013). *Cytogenetic effects of petrochemical contamination in children of the Chechen population, depending on the polymorphism of genes of oxidative response, detoxification of xenobiotics and repair DNX*, PhD thesis. Moscow. (In Russian)
- Tishkov, V. A. (2003). Requiem on ethnos: research on social and cultural anthropology. Moscow: Nauka. (In Russian)
- Turakulov, R. I., Chistyakov, D. A., Odinkova, O. N. & Nosikov, V. V. (1997). Allele polymorphism of short tandem repeated sequences of loci HUMF13A01 and HUMCO4 in Russian populations of Moscow and Tomsk. *Genetics*, 33(7), 979-985. (In Russian)
- Vavilov, M. N., Burmistrova, A. L., Tselishchev, G. V. & Suslova, T. A. (2013). The frequencies of HLA-MICB genes in the population of Tatars in comparison with other populations living on the territory of the Chelyabinsk region. *The bulletin of the Chelyabinsk State University*, 7(298), Biology, (2), 34-35. (In Russian)
- Vert'yanov, S. Yu. & Altukhov, Yu. P. (Ed.) (2012). *General biology, Textbook for 10-11 classes*. Moscow: Svyato-Troickaya Sergieva Lavra. (In Russian)